

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

ЛЮБЯ, ГАСИТЕ СВЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Компьютерный дизайн обложки
Чаругиной Анастасии

Андреева, Наталья.

А65 Любя, гасите свет : роман / Наталья Андреева. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Бестселлеры Натальи Андреевой).

ISBN 978-5-17-101203-8

Они даже не были знакомы, эти две женщины, и вряд ли могли где-то пересечься.

Одна шла вперед, сметая все на своем пути и совсем не заботясь о том, как ее поступки выглядят с точки зрения морали. Другая тихо мечтала, боясь рассказать о своих планах даже маме, все равно не поймет. И каждый день смотрела на окна богатой квартиры той, другой, гадая, почему там все время горит свет?

Это демонстрация своего превосходства, страх одиночества или какая-то тайна? Фортуна ведь тоже женщина и обожает интриговать. Она дала тихоне шанс, и та его не упустила. Ее маленький мир затворницы и вечной неудачницы буквально взорвался от событий и впечатлений.

Один свет погас, а другой зажегся. Эти две женщины так никогда и не встретились, но они незримо передали друг другу эстафету.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Андреева Н., 2018
ISBN 978-5-17-101203-8 © ООО «Издательство АСТ», 2018

Ночной мегаполис — зрелище феерическое и завораживающее. Многоярусный океан разноцветных сияющих огней, от слегка размытого света, пробивающегося из подземных паркингов, до алых точек в черном небе, обозначающих вершины небоскребов. А между ними этажи неоновых вывесок, тысячи квадратных метров переливающейся всеми цветами радуги рекламы, бесконечные кварталы, теплящиеся окнами жилых домов, мириады ярко освещенных офисов, где частенько засиживаются допоздна, манящие огоньки ночных клубов, для которых с наступлением темноты жизнь только начинается... Огни, огни, огни... И за всеми этими огнями люди, много людей. Разные жизни, непростые судьбы, запутанные истории отношений... Кажется, что в этом огромном перенаселенном городе нет места одиночеству. Напротив, из-за тесноты все только и мечтают что о необитаемом острове в бездонном и бескрайнем океане. Но это всего лишь иллюзия.

Люди здесь настолько заняты, что им трудно сосредоточиться на чем-то одном, и редкое свое желание они возводят в ранг заветной мечты, слишком уж много вокруг соблазнов. В этот город легко попасть, он открыт для всех и с воздуха, и с суши, но так же просто в нем исчезнуть, потому что в телефонной книге контактов у каждого

его жителя десятки, сотни, и даже тысячи номеров, и она постоянно пополняется. И если один из этих номеров вдруг долго не отвечает, так что ж? У всех дела, все заняты, если не работой, то повседневной суетой. Человек не исчез, он просто затерялся. Его окно не светится, потому что он спит, или уехал.

А если оно светится и рано утром, после того, как отступила темнота? И днем, когда большинство людей на работе или бегают по каким-то своим неотложным делам? Светится оно и в сумерках, когда самое время для похода по магазинам. Если оно, это окно светится *всегда*? Тогда за этим есть какая-то тайна. Но кому охота ее разгадывать? Кому есть дело до пронзительного одиночества за этими ярко освещенными окнами? Или это что-то другое?..

Соня

Знаете, что объединяет нас, людей? Не тех небожителей, агукающих из «норковых» пеленок, баблоней судьбы, которые с самого своего рождения упакованы полностью и только и делают потом, что прожигают жизнь. Обычных людей, живущих в типовых квартирах или скромных частных домах, окончивших рядовую среднюю школу и какой-нибудь ординарный вуз или колледж. А то и вовсе ничего не окончивших, вкалывающих с утра до ночи в торговой точке, или на каком-нибудь объекте. В офисе, в НИИ, в бухгалтерии при заводе, или в Пенсионном фонде. Людей, живущих от зарплаты до зарплаты, выкраивающих ежемесячно из своего скудного заработка на отпуск. А потом, во время отпуска, вдруг срочно делающих на эти сбережения ремонт в квартире или на даче. Потому что Крым подождет. Подождет

и Турция. А вот капающие краны ждать не будут, и новая кухня сама собой не нарисуеться. Проценты по ипотеке сами собой не рассосуться. Заботы и проблемы у всех разные, но есть нечто такое, что нас всех объединяет.

Мы все обожаем мечтать. Эти мечты, как правило, начинаются с фразы: «Эх, были бы у меня деньги!» А дальше... Господи! Конечно, на море! Сначала отдохнуть как следует, в шикарном президентском номере, чтобы шампанское с ананасами в огромную постель, и в джакузи плавали бы лепестки роз... Или — нет. Круиз! На месяц, а лучше на год! На белоснежном лайнере, в каюте с балконом, чтобы каждый вечер видеть восхитительный закат, а по утрам небрежно просматривать принесенную дворецким газету. Суется людишки на бирже, вот паника, а у меня все есть.

Потом... Машина, нет, две машины! Джип и кабриолет, лететь по трассе, чтобы все тебя видели и завидовали. Ветер в лицо, ревет мощный мотор, сердце бешено стучит от скорости и восторга. Мелькают какие-то дома. Нет, стоп! Один из них твой! Конечно! Громадный особняк с двадцатью спальнями. С бассейном и гаражом, с зеленой лужайкой, на которой красуются полосатые, как арбузы, шезлонги. Искупался — и вот уже дворецкий несет тебе кипельно-белый махровый халат.

Да почему опять дворецкий-то? А как же! Слово из той, другой жизни, где кабриолеты и черная икра на завтрак, крутые пати в Ницце, и море хоть каждый день. Захотел — и лети. На своем самолете.

Да что толку пересказывать все эти глупости? А то вы и без меня не знаете, как оно там, в мечтах? Да супер! А теперь вернемся к суровой реальности.

В кастрюльке, в крутом кипятке, плавают два яйца. Готовить я не люблю, да и не для кого. Я и яйца-то сварить толком не умею. Всегда хочу всмятку, а они, заразы, получаются вкрутую. Точно так же я всегда сажусь на солнечную сторону в любом автобусе или маршрутке. Хотя хочу сесть в тень, как и все нормальные люди. Но мне всегда, увы, достается неудобная солнечная сторона. Это моя карма.

Мне вообще по жизни не повезло. Поэтому я и люблю мечтать. Я живу на съемной квартире вместе с соседями, супружеской парой. Они занимают большую комнату, а я маленькую, поскольку их двое, а я одна. Зато я плачу пятнадцать тысяч в месяц, а они двадцать. У нас все по справедливости. Прежде чем перейти к событиям, столь круто изменившим мою жизнь, мне надо пояснить, как я оказалась в этой квартире, вместе с Колей и Олей. И почему я работаю на дому. Почему хожу почти каждый день мимо *того* дома. Почему подолгу глазею на *те самые* окна. И почему приняла решение, которое никто так и не понял. После чего меня объявили чуть ли не сумасшедшей. А ведь все логично.

Меня зовут Соней, мне двадцать семь лет. Не подумайте ничего плохого: я была замужем. Со статусом у меня полный порядок. Разведена. Детей нет. До своего замужества я жила, в общем-то, счастливо, хотя моей маме так не казалось. Она постоянно меня пилила:

— Сонька, тебе уже двадцать четыре! Скоро и двадцать пять стукнет! Ты так и останешься старой девой! Пора и о детях подумать!

Почему-то подумать сразу надо было о детях, а не о муже. Хотя до мамы наконец дошло, что без мужа в этом деле никак. В плане статуса и вообще.

В плане процесса. Моя мама относится к тому типу женщин, которых я мысленно окрестила «женщина-танк». Они не отличаются ни красотой, ни умом, ни богатой фантазией, просто утюжат улицы, офисы и магазины, готовые в любой момент дать отпор любому агрессору. Точно так же они ведут себя и в семейной жизни. Утюжат своим домочадцам мозги, пока там не останется ни одной складки, то бишь извилины. Кроме как «да, мама, хорошо, мама, все сделаю, мама».

Спорить с моей мамой бесполезно, я и не спорила. И она принялась обзванивать своих подруг, а те, в свою очередь, своих подруг. По эфиру пошли круги, которые становились все шире и шире. Они покрыли огромную площадь, от центра столицы до самого дальнего «Замкадья». Похоже, что вся женская половина Москвы в итоге этих телефонных переговоров озаботилась моей судьбой. Эти подруги, в конце концов, и нашли мне пару. Состоялись смотрины.

Он тоже пришел с мамой. Точнее, его привела мама. Которая тоже его беспрестанно пилила:

— Пашка, тебе уже тридцать! Пора и о детях подумать!

Он, видать, подумал. И хорошо подумал. Потому что пришел с ней. Ко мне. Выглядело это таким образом. За столом друг напротив друга сидели наши мамы и пили чай. Моя мама нахваливала меня, какая я умница, рукодельница и так далее. Пашина мама также неустанно нахваливала его. Какой он добытчик, трудяга и скромняга. Золото, в общем, а не парень. Удивительно, что такое сокровище до сих пор не окольцевали. Рядом с нашими мамами сидели наши папы и молча пили водку, приглядывая друг к другу. В плане того, можно ли себе позволить после застолья догнаться в га-

раже пивком? Полагаю, они единственные в нашей компании вполне друг другу подошли и расставались потом с явной неохотой, когда мы с Пашей развелись.

Я сидела тихо, как мышка, боясь посмотреть на Пашу. Он точно так же боялся посмотреть в мою сторону. Я составила его портрет в основном со слов моей мамы, которая назвала его отличным парнем. Когда я спросила, симпатичный он или нет, мама буркнула:

— Какая тебе теперь разница? Выйдешь замуж как миленькая! В твои двадцать пять не привередничают.

Пашина мама действовала также энергично, и на следующий день мы с ним пошли в кино. Поскольку мне скоро должно было стукнуть двадцать пять, а ему ударило тридцать, процесс его ухаживания надолго не затянулся. Куда уж дальше тянуть? И наши мамы обо всем уже договорились. Обе давно копили на свадьбу. Чтобы все было, как у людей. Оно и было, как у людей. Ничего плохого не могу сказать по поводу своей свадьбы, кроме того, что в лимузине я опять, дура такая, села на солнечную сторону! И уныло подумала: «плохая примета». Окна в лимузине были затемненные, да еще и с занавесками, но я-то знала, что мне досталась солнечная сторона! Что я по-прежнему, увы, неудачница! Несмотря на свое замужество.

Предчувствия меня не обманули: мы с Пашей скоро развелись. Кто тут виноват, не понятно. У нас все было, как у людей, начиная со свадьбы. После которой мы переехали к Паше, в его квартиру. Она была в часе езды от Москвы, где я работала, зато своя. И даже двухкомнатная.

— Повезло тебе с мужем, — сказала мама. — Проблема с жильем у вас решена.

Мне кстати, все так сказали: повезло. И с мужем, и с квартирой, и с тем, что я не осталась старой девой в свои двадцать пять. Всего в часе езды от Москвы.

А теперь прикиньте. Час идет электричка. До которой надо еще дойти или доехать. Пять остановок на автобусе, или двадцать минут пешком, если срезать. И идти быстрым шагом. Электричка приходит на Ленинградский вокзал. Далее метро, пять остановок. И еще минут десять пешком до моей работы. Учитывая, что общественный транспорт это не конвейер, с паузами ожидания очередного турникета набегает все два часа. Два часа туда, столько же обратно. Итого четыре часа в день!

Когда я подсчитала, сколько времени трачу на дорогу, то пришла в ужас. Я уж молчу об этих пригородных электричках, набитых торговцами, попрошайками, замороженными музыкантами и просто бомжами. Хорошо, если вам охота слушать «Таганку» под аккомпанемент бубна с баяном, или скупать всякое барахло. А если вы видите этих людей изо дня в день?

— Люди добрые, помогите! Сын со снохой поехали в Тамбов за картошкой, по дороге попали в аварию. Я бедная пенсионерка, инвалид второй группы. У меня нет денег, чтобы забрать детей из морга, внуки плачут, хлеба купить не на что...

За те три месяца, что я видела эту тетку, ей (надо заметить, потрясающей актрисе) столько надавали, что можно было весь морг вывезти из Тамбова и похоронить на Новодевичьем. Я, кстати, тоже дала сотню. Мужчина, который сидел рядом, посмотрел на меня с осуждением. Через месяц и я стала смотреть с осуждением на тех, кто после этого заунывного теткинго монолога на слезах, лез в карман за сотней или полтинником. И отво-

рачивалась к окну, потому что мне было стыдно за эту женщину. Но не все были такие застенчивые, как я. Однажды моя соседка не выдержала и выпалила:

— Женщина, да как у вас только совести хватает! Вы уже полгода здесь ходите! Вас уже все в лицо давно знают! И ваше вранье!

— А ты меня не стыди! — огрызнулась попрошайка. — Знали бы — не подавали. А я и сегодня не внакладе. — И в доказательство своих слов она тряхнула целлофановым пакетом, полным бумажных купюр. Мелочь «на похороны» подавать почему-то стеснялись. Люди жмутся при жизни и на жизнь, а «гробовые» — это святое. Совершенно непонятная мне логика, но человек вообще существо загадочное.

Можно, конечно, нацепить наушники и слушать хоть Моцарта с Вивальди, хоть галимую попсу. Да хоть «Анну Каренину», если охота. Все так и делают. Мы постепенно превращаемся в страну глухих. Каждый сам по себе и не обращает никакого внимания на окружающих, просто-напросто их не слышит. Он в наушниках.

Но через пару лет в наушниках я поняла, что тоже глухну. Хотя лор, проверив мой слух, сказал, что все в полном порядке. Уж я-то знала: не в порядке. Потому что когда я снимаю наушники, звуки окружающего мира безнадежно тусклые, приглушенные, а еще донельзя раздражают. Я плохо слышу без своих наушников и начинаю злиться на всех без исключения за их тупость, дальше-то что будет? Ведь мне и тридцати еще нет. Я так и сказала лору, который направил меня к психиатру. Туда я, конечно же, не пошла, просто попыталась приспособиться. Слушать музыку одним ухом, а другим — всю ту белиберду, кото-

рую несут окружающие меня люди. Вот им точно к психиатру.

— Так мы хоть куда-то выйдем, а туда, куда мы пойдем?

— А ты ему сказала, чтобы он тебе этого не говорил?

— Классно сделать селфи в смерче, и чтобы подкинуло повыше...

— Меня все в нашей группе бесят. Кроме тебя. И ты меня иногда бесишь, но другие бесят больше, поэтому я с тобой и езжу. А тебя кто бесит? Я? А почему ты со мной едешь? Потому что все бесят? Вообще все?

Тут уж я не выдерживала и закрывала уши полностью. Чтобы кого-нибудь не убить. И так по четыре часа в день!

Раньше я жила с мамой у метро. Там тоже маргиналов хватает, но с пригородной электричкой не сравнить. Туда набивается столько алкоголиков и сумасшедших, что начинаешь видеть мир как одну огромную лечебницу для всякого рода извращенцев и поневоле тосковать по отдельной палате. В конце концов, мое везение меня достало. И Пашу тоже. Хотя сначала муж против моей работы не возражал. Ему даже нравилось, что я работаю в офисе. И мне нравилось.

Работать в офисе — это работать в офисе. Не на морозе, не на кассе и не за прилавком. Все мечтают работать в офисе. Сидеть в тепле и целый день таращиться в компьютер. А что там, в мониторе, квартальный отчет или пасьянс «Косынка», по выражению лица офисного работника ни за что не поймешь. У всех вид деловой, все гонят план.

Первые полгода работы в офисе я еще была наивной дурочкой. Я действительно работала. Офисная работа вся состоит из авралов.

— Соня, это срочно! — И мне на стол ложилась грозная бумага. Или начальник вызывал к себе и начинал орать, что все вы здесь ни хрена не делаете, а работа меж тем стоит на месте. И ему надают по шапке, а премии никому не будет. И я кидалась гасить пожар.

Вечером я, чрезвычайно гордая собой, докладывала об успехах, уверенная, что теперь-то, благодаря мне, у всех будет премия. И слышала в ответ:

— Аа-а-а... Сонечка, это уже не срочно. Займись-ка лучше этим. — И новая грозная бумага ложилась ко мне на стол.

На следующий день, где-то к обеду, опять разражалась буря:

— Как?! Ты это еще не сделала?! А чем же ты весь день занималась?!

Как будто неизвестно, что рабочий день в офисе начинается с кофепития! Утомительная дорога, толпа в метро, промозглая погода, или, напротив, аномальная жара. Москва — город природных катаклизмов. То снег, то ветер, то звезд ночной полет. И все они норовят упасть тебе на голову. В Москве чего только не падает с неба! При мне идущей впереди женщине упала на голову оторвавшаяся от карниза сосулька. Я сама вызывала «скорую». С тех пор хожу, съезжившись и озираясь по сторонам. И даже время от времени снимаю наушники, чтобы услышать падающую сосульку или съезжающую с карниза снежную глыбу. И так чуть ли не каждый день! Залить пожар негодования утренней чашкой кофе — это святое. Потом начинается бурное обсуждение новостей.

Подумать только! Эта серая, суетная, беспросветная с точки зрения каких-нибудь перспектив унылая жизнь, оказывается, до отказа наполнена

событиями! Где-то женятся, разводятся, отчаянно скандалят, убивают и даже взрывают. Выбирают президента, проводят глобально значимые референдумы, воюют, ловят террористов, расстреливают заложников, насилуют и грабят... Причем делают это каждый день! Иной раз по несколько раз в день! Я уж не говорю о наводнениях и землетрясениях. Словом, народу есть что обсудить. А вы говорите:

— Чем ты весь день занималась?

Хорошо бы успеть обсудить все самые горячие новости к обеду. А потом, о сладкий миг! Магнитная карта касается турникета и раздается самый радостный в мире звук. Открываются врата рая, выпуская тебя на свободу. Целый час в торговых рядах, глаза на витрины, или поедание салатика в кафе, глаза на прохожих. Кто как во что одет.

После обеда можно, конечно, поработать. И даже нужно. Но горький опыт меня давно научил: Соня, не суетись. Начальники сами не знают, что им надо. Главное, срочно. Никто в этом городе не работает, а, возможно, и во всей стране. Ведь мы идем не по пути прогресса, а по пути регресса. Жить-то все хуже и хуже. Разве это возможно, когда люди с утра до ночи трудятся? Поэтому я выслушивала очередные угрозы молча, брала бумажку, клала ее на стол, по правую руку, и спокойно запускала какую-нибудь «Косынку». Пару раз ко мне подходили:

— Ну что? Сделала уже?

— Делаю. — И я с озабоченным лицом щелкала мышкой.

— Молодец! Трудись!

В конце рабочего дня мне, как обычно, сообщали:

— Уже не срочно. Рассосалось. Займись-ка лучше этим. Но это срочно.

